

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 26 (1137). Суббота, 16 июня 1945 г.

Цена 45 коп.

1725-АКАДЕМИЯ НАУК СССР-1945

Передовая советская наука

Великая Отечественная война Советского Союза, уверенная блистательной победой над врагом, доказала жизнеспособность и несомненность советского строя, как самого передового и прогрессивного.

Эпоха Ленина—Сталина впервые в истории человечества преодолела козвенный отрыв науки от труда. Из невольных наемников господствующих классов люди науки превратились в свободных творцов, посвятивших себя служению на благо народа.

Вот почему с таким восхищением и признательностью возмощает наша страна своим ученым. Благодарные мужи науки плечом к плечу со всеми трудящимися Родины борются за свободу и независимость СССР, за спасение мировой цивилизации от фашизма.

Указами Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Социалистического Труда выдающимся академиком А. А. Байкову, И. П. Бардину, А. Н. Баху, И. М. Виноградову, Н. Д. Зелинскому, Т. Д. Лысенко, И. И. Мещанинову, Н. И. Мухомелю, В. А. Обручеву, Л. А. Орбели, М. А. Павлову, Д. Н. Прянишникову, А. Е. Фаворскому.

В этой славной плеяде смелых новаторов, подвижников прогресса и культуры, мы видим людей, чья имена составляют гордость советской и мировой науки, кто олицетворяет сегодня несокрушимый талант пылкую страсть и бескорыстие русской научной школы, чьи открытия расширили и обогатили знания человечества.

Награды Родины своим ученым—признак советской передовой науки. Он совпадает с большим торжеством, которое проводится в эти дни наша страна.—220 лет со дня основания Академии наук СССР.

В сороковых годах XVIII столетия вступил в Академию великий русский ученый и писатель М. В. Ломоносов. Он совмещал в себе самоотверженный дух жюани и жажду научных знаний для отечества.

Действительность русской Академии того времени была весьма многообразной и имела переносное значение для развития русской культуры. В XVIII веке именно Академия служила почти единственным учреждением, которое занималось переводами, изданиями и распространением западноевропейской научной и художественной литературы.

Следующий век выдвинул Академию вперед, как один из главных центров мировой науки. Не было тогда отдели знания, в которой бы русские ученые не сказали своего веского слова. Кафедра математики блестяла именами В. Я. Буняковского, П. Л. Чебышева, О. И. Сомова, Е. П. Золотарева и Софьи Ковалевской, первой женщины, удостоившей звания члена-корреспондента.

В конце 70-х годов прошлого столетия в Академию был избран А. Н. Веселовский—один из виднейших литературоведов и филологов того времени. Его труды по русской и западноевропейской литературе звали отечественному литературоведению одно из первых мест в мировой науке.

академиком Ф. Ф. Фортунатов, А. И. Соболевского и А. А. Шахматова помогли советскому правительству осуществить реформу русского правописания.

Знаменитый востоковед, лингвист и археолог Н. Я. Марр создал глубоко интернационалистское учение о взаимосвязи всех языков мира, учение, разоблачающее вздорность и фальшь фашистской «расовой теории».

Русская наука всегда отличалась своей прогрессивностью. Ее лучшие представители активно выступали против застоя, невежества и реакционных настроений, действовавших в стенах Академии при поддержке царизма.

С Октябрьской революцией началось наиболее выдающийся этап в жизни Академии, ее бурный расцвет. Социалистический строй поднял науку на невиданную высоту, вооружил ее могучим методом марксистской диалектики, дал выход прогрессивным силам Академии, придал ее работе грандиозный размах, соединил с народом, осветил ей дорогу к самым светлым идеалам человечества.

Какой замечательный путь прошла Академия с того памятного дня, когда в 1918 году отец молодого советского государства великий Ленин лично набрасывал план ее научно-технических работ. Коллектив Академии наук СССР по сравнению с предшествующим периодом вырос в 20 раз.

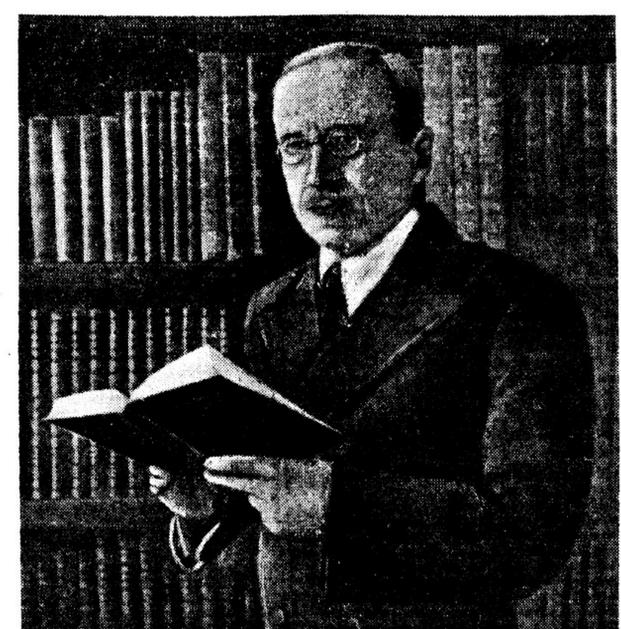
Вся послевоенная деятельность Академии тесно связана с советским государством, подчинена решению важнейших созидательных задач. Сталинские пятилетки — индустриализация страны, коллективизация сельского хозяйства, широкая программа просвещения и здравоохранения — выдвинули советских ученых на самостоятельный творческий труд.

Философы, историки, литературоведы решительно боролись с реакционной сущностью фашистской идеологии. Институты истории, философии, литературы и права подняли свое острое оружие против врага. Научные труды, гневные памфлеты разоблачали зверное лицо гитлеризма, популяризировали историю вековой борьбы славянских народов против немецких захватчиков.

Праздник Академии наук СССР проходит в обстановке всенародного торжества. Черные силы германского фашизма разгромлены. Наша страна одержала блистательную победу и вступила в период мирного развития, закаливая и мочущая. Начинаясь величественный эпопея возрождения районов нашей страны, пострадавших от немецкой оккупации, и дальнейшего подъема военной и экономической мощи государства.

Открывающаяся сегодня юбилейная сессия Академии наук СССР — праздник не только советской, но и всей передовой зарубежной науки. На сессию прибыли сотни иностранных ученых, — представители Академии свободных государств. Это первое после войны большое международное собрание ученых, свидетельствующее о том, что советская наука, высоко держащая знамя свободы и демократии в самые мрачные дни фашистского господства в Европе, вышла в первые ряды мировой науки.

Славя Академию наук СССР! Славя советским ученым, пламенным патриотам нашей отчизны!

Герой Социалистического Труда академик И. И. МЕЩАНИНОВ.

ТРУД УЧЕНОГО

Беседа с Героем Социалистического Труда академиком И. Мещаниновым

Более 30 лет я занимаюсь научной работой в области языкознания, являясь учеником акад. Н. Марра и продолжателем его теоретического направления, построенного им на основах диалектического и исторического материализма.

Прежде всего я продолжаю свой теоретический труд над проблемами общего языкознания. Провожу эти работы в сравнении грамматического строя различных языков Советского Союза.

Кроме работ по общему языкознанию, я занимаюсь изучением истории Закавказья по древнейшим памятникам письменности; памятники эти относятся к VII в. до нашей эры.

В начале 1939 года по постановлению правительства Институт был включен в систему Академии наук СССР. Правда, в составе Академии уже давно имелся Ленинградский институт литературы. Необходимо было координировать деятельность и уточнить профиль каждого института.

Важнейшее и почетное место среди классиков нашей литературы принадлежит писателю, чье великое имя носит Институт. Сейчас возобновляется работа по подготовке академического издания собрания сочинений Горького. Б. Михайловским и Е. Тагером подготовлена к печати монография о творчестве Горького, написанная сборником статей «Горький и русская литература XIX—XX вв.»

1 стр. Труд ученого. Беседа с Героем Социалистического Труда академиком И. Мещаниновым. В. Шишмарев. В Институте мировой литературы. Достижения советской филологии. Беседа с П. Лебедевым-Полянским. Информация.

2 стр. А. Белецкий. Академия наук СССР и русское литературоведение. В. Медведев. Прозовестник победы. М. Иорданская. На Капри (из воспоминаний).

3 стр. В. Шкловский. Мелководье. Владимир Назор. На волчьем (стихи). Борис Соловьев. Непреодоленное ученичество. А. Лейтес. О мысли и двусмысленности в поэзии.

4 стр. Л. Дмитриев. Дневник искусств. Мих. Зенкевич. Песни об Урале. Л. Озеров. Лирика Алексея Лебедева. М. Слободской. Маленький фельетон. А. Елистратова. Чарльз Диккенс. Напри Зарьян. Будущие книги. Информация.

Достижения советской филологии

Беседа с членом-корреспондентом Академии Наук СССР П. Лебедевым-Полянским

В годы Великой Отечественной войны институты литературы Академии наук СССР не только не ослабили темпов работы, но, напротив, предприняли несколько капитальных изданий, осуществляемых коллективными усилиями советских ученых.

Продолжается работа над десятитомным иллюстрированным изданием «Истории русской литературы» (от древних времен до Октября). В ближайшее время выйдет второй том этого издания, охватывающий древний период — от XIII до XVIII века.

Большой сдвиг произошел в области собирания и изучения фольклора в СССР. Внимание исследователей привлекает творчество всех народов Советского Союза. Значительно шире и глубже поставлена сейчас проблема взаимодействия фольклора и письменной литературы.

В ближайшем будущем будет опубликована моя большая сводная работа по сравнительному обзору синтаксиса различных языков Советского Союза. После этого я займусь изложением уже собранного мною материала по изучению глагола.

В связи с юбилеем Академии наук СССР, со всех концов страны в Москву съехались советские ученые. В числе прибывших украинские ученые во главе с президентом АН УССР Героем Социалистического Труда акад. А. Богомолюком, делегация Кавказского филиала Академии наук, делегация Литвы, ученые Ленинграда, Тбилиси, Баку, Воронеж, Иваново и т. д.

В связи с болезнью проф. Н. Гудзия его доклад о «Роли Академии наук СССР в развитии литературоведения» зачитывает ученый секретарь института Б. Горюнов.

В зале заседания организована выставка, освещающая роль и значение академии в развитии литературы.

Заседание открывается докладом члена-корреспондента Академии наук В. Шишмарева, посвященным академиком А. Н. Веселовскому — гордости русской науки, наиболее значительному ее представителю в мировом литературоведении.

Докладчик говорит о многогранности, широте и разнообразии трудов А. Н. Веселовского, о мастерстве исторического исследования, которым в совершенстве владел этот ученый-художник, для которого научная работа была подлинно вдохновенным трудом.

В связи с болезнью проф. Н. Гудзия его доклад о «Роли Академии наук СССР в развитии литературоведения» зачитывает ученый секретарь института Б. Горюнов.

В докладе дается подробный обзор работ русских академиков, характеризующих сборники и издания русской академии и труда Института мировой литературы имени А. М. Горького.

— Революция дала возможность академии стать подлинным научным центром. Академия смогла развернуть филиалы в братских республиках. Впервые ее работа привлекала широкое внимание общественности. Молодым талантливым ученым открылся свободный путь в большую науку.

В заключение заседания проф. М. Цяловский прочитал доклад об «Академических изданиях классиков русской художественной литературы».

СЪЕЗД ДЕЛЕГАЦИИ

Для участия в юбилейных торжествах, посвященных 220-летию Академии наук СССР, со всех концов страны в Москву съехались советские ученые.

В числе прибывших украинские ученые во главе с президентом АН УССР Героем Социалистического Труда акад. А. Богомолюком, делегация Кавказского филиала Академии наук, делегация Литвы, ученые Ленинграда, Тбилиси, Баку, Воронеж, Иваново и т. д.

Они привезли сердечные поздравления Академии наук и ее выдающимся ученым. Всероссийская Академия художеств прислала из Ленинграда адрес-приветствие, титульный лист которого оформлен замечательным советским графиком В. Кошаревичем. Текст приветствия подписан акад.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ПРОФЕССОРА ШАМБИНАГО С. К. ОРДЕНОМ ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМИНИ

За выдающиеся заслуги в области исследования фольклора и истории русской литературы, в связи с 50-летним научно-педагогической деятельностью, наградить доктора филологических наук профессора Шамбинаго Сергея Константиновича орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 14 июня 1945 г.

Здание президиума Академии наук СССР (Москва).

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За выдающиеся заслуги перед Родиной в годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии за большую работу по воспитанию советской молодежи в духе беззаветной преданности Отечеству,—наградить Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи орденом Ленина.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. КАЛИНИН. Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. ГОРКИН. Москва, Кремль, 14 июня 1945 г.

Прозвонистик победы

Совещая в 1928 году большую поездку по Советскому Союзу, А. М. Горький рано утром 20 июля прибыл в Баку и позвонил из ближайшей телефонной будки старому своему знакомому бакинцу.

— Вот приехал посмотреть, как вы живете и трудитесь, — сказал Алексей Максимович. — Очень прошу вас показать мне приемы.

По приезде за Алексеем Максимовичем шла уже большая толпа, когда его встретил представитель Азнефти, слышавший возгласы: «Горький приехал! Горький!» Дети забегали вперед, стараясь взглянуть в лицо высокому худощавому человеку с белым куртком и рукавом. Петрович с гордостью наперевод сообщил любимому инженеру: — Да, Баку прыгнул далеко вперед, — повторял Алексей Максимович, знакомясь с промыслами.

— Когда-то здесь был густой лес выше, — сказал он, остановившись и обмахиваясь куртком от жары, — а теперь густая сеть насосов. Старуха-желонка оштрафована в прошлом. И все это плоды вашего напряженного труда! Владимир Ильич Ленин говорил, что нельзя сделать страну обороноспособной без героизма народа, осуществляющего великие экономические преобразования. Этот героизм видел здесь и на Днепрострое, и в других местах, — ведь, как я успел побывать.

Дети были знойны, солнце пекло невыносимо. Море не лаяло проклятым, Мундо-серо, оно казалось вялым, расслабленным от зноя. На непривычного человека бакинская жара действует угнетающе, а Горький к тому же не успел отдохнуть с дороги и много ходил, осматривая промысла.

Руководители Азнефти предложили гостю поехать в Мардаканы, отлучиться. Горький согласился не сразу. Ему хотелось как можно подробнее осмотреть промысла в течение того короткого срока, который он намерен был пробыть здесь. В доме отдыха Алексей Максимович продолжал оживленно беседовать с нефтяниками. Еще будучи за границей и думая о России, — говорил он — я живо представлял себе успехи советских людей. Но то, что я увидел по приезде, превзошло все мои ожидания. Знаете, чертовски много сделано!

В Баку я был дважды. Нефтяные промысла остались в памяти, как нечто исключительное мрачное. Небо заваливалось густой черной дымом. Когда я шагал по микромору от нефти песку и глядел на вышки, уткнувшиеся в облака дыма, мне казалось, что у меня над головою какая-то другая земля и ее поддерживают вышки. Дым и дурота мешали дышать, одежда была знойна. Работавшие на промыслах подполные люди были от нефти коричневого цвета и блесели на солнце. В жилищах вы на каждом шагу сталкивались с ужасом, с вопиющей бедностью. А то, что я увидел сейчас, просто изумляет, восхищает... Да, старое улетело, как ночной кошмар. Сказочно все переменялось!

На другой день Горький осматривал бухту имени Ильича, где у Каспия отовсюду вылезали нефтяные площадки. Там, где сейчас стоят буровые вышки и дом управления, раньше было море.

Осмотрев промысла, Алексей Максимович поехал в район заводов, где познакомился с методами перегонки нефти.

— Вот это масляный завод, — сказал один из сопровождающих Горького инженеров. — Его обслуживают всего четыре человека.

Из труб бежала разноцветная жидкость — магла. Инженер взял на язык самое светлое масло и объяснил: — Солярное.

Когда Алексей Максимович заканчивал осмотр заводов, неподалеку, через дорогу, раздались крики: — Горький! Горький!

Зачували сбитыми тревоги, Горький и сопровождавшие его посетили к месту пожара. Огонь бледно-желтого цвета уже бушевал во всю. Пламя угрожало перекинуться на громадную цистерну с бензином.

Алексей Максимович, пожалуясь, отойдя как можно дальше, — позволив обратиться к нему старший инженер. — Не возражайте, пожалуйста, и быстрее уходите.

Горький, нехотя, отошел в сторону. Издали ему было видно, как подбегали люди, баки вытаскивали цепи, и почти на каждой билась адула.

Попавшись и гигантские, похожие на удавов, морские угри-муры, а на сетях вытравливали на корму кучу разную рыбу, осминогов, громадных крабов и морские ежи.

Ловля была удачной. Алексей Максимович был в отличном настроении, и забаво, что «он не говорит по-итальянски, шутил с рыбаками.

Особенно радовало Алексея Максимовича то восхищение, с каким Михаил Михайлович смотрел на море в это замечательное яркое утро и с каким интересом он разглядывал странных рыб и водоросли, поднятые сетями со дна моря.

И было хорошо и трогательно смотреть на этих двух, стоявших рядом больших людей, которые с такой любовью относились друг к другу.

6 августа (22 июля по старому стилю) были именны Марии Федоровны и мой. Этот день проводили по-праздничному, Алексей Максимович не работал, и все отпраздновали на вилле Тиверия. Здесь в последний раз мы все вместе смотрели тарантеллу и в таверне пили белое каприйское вино, которое подавали на стол в белых глиняных кувшинах.

Вечером мы долго сидели на каменистой террасе виллы, грустно было прощаться. Хотелось как можно дольше пролечь часы свидания с Алексеем Максимовичем.

На другой день рано утром мы уехали в Неаполь. В декабре Михаил Михайлович Копюбинский писал мне из Черныгов: «Нелегко вести приходило так же с Капри. Алексей Максимович так тяжело пережил смерть Толстого, что у него возобновилось кровохарканье, и хотя он боролся, все же из писем и фотографической карточки, которую он прислал, я замечаю большую перемену в нем к худшему».

Вспоминаю ли вы еще рыбные ловли, зеленые глаза адул, импровизированные пикины на скалах? — Правдо, хорошо было!

1 Горький, вилла «Серафима», ольга атра, ольга атра. 2 К. Пятницкий — директор-распорядитель виллы «Эпиан». 3 В печати этот роман появился в сборнике «Вспоминания» 1911 году. 4 Алексей — по-итальянски Блатошешине. 5 Знаменитый солист. 6 Известный социалист-революционер, организатор убийства Галана. 7 Основана в пос. М. М. Копюбинского в редакцию в Черныгов.

А. БЕЛЕЦКИЙ

За десятилетия вроде Плетнева или Никитенко, за общими многим и давними мало синтетиками вроде Шеварева, с одной стороны, собиратели материала, издатели документов, накопители фактов (как Срезневский, Бычков, Пекарский), с другой — люди широкого размаха, разносторонней и глубокой эрудиции, тяги к большим проблемам — «классики» нашего литературоведения Буслевы, Тихоновы, Веселовский, Пылин. Задачи науки о литературе были еще в процессе выяснения: «Энциклопедичность» была жебжеба.

Буслев соединил в себе лингвиста, историка литературы, историка искусства. Веселовский занимался и западными литературами, и древнерусской литературой, и фольклором, с одинаковой точностью и глубиной изучая то Боккаччо, то Жуковского. Пылин от древнерусской литературы переходил к истории славянских литератур, а от нее к истории русских общественных движений и синтетическим обзорам истории русской этнографии и русской литературы. И даже Срезневскому, старейшему из всех названных, приходилось быть и историком языка, и историком литературы, фольклористом, палеографом, археологом, знателем «славянской филологии» в России, Чернышевский, один из его слушателей, подчас роптал на убогость и сухость своего учителя, в равной мере отживавшегося, однако, и на широкие обобщения, но при всем том «Словарь древнерусского языка» Срезневского до сих пор остается книгой, над которой работают не только филологи, но и наши исторические belletristes.

Промышленное внимание отделение русского языка и словесности уделяло средневековой русской литературе. Это было односторонне, но это было важно и полезно для времени, когда литературоведение еще только укрепляло технические навыки исследования, приобретало точность, из приятных и «возвышенных» разговоров о литературе становилось подлинной наукой. Вышеназванные «классики» нашей науки, как и преемники их, не так далеко сошедшие в могилу академики Истрин, Перетц, Сперанский создавали «школы», приучали к осмотрительности, строгости, серьезности в работе. Благодаря их трудам стала ясной целая область нашего исторического развития; благодаря им наша Академия сейчас может противопоставить «Историю русской словесности» Шеварева свою коллективную «Историю русской литературы».

В «Сборниках» в «Известиях» отделения русского языка и словесности, в отделе нашего исторического развития; благодаря им наша Академия сейчас может противопоставить «Историю русской словесности» Шеварева свою коллективную «Историю русской литературы».

А между тем сплошь и рядом эта наука и в области литературоведения опережала западную. Когда в XX веке у нас познакомилась с теорией «взаимосообщения искусств» О. Вальзера, она показала некоторым нашим молодым «западникам» увлекательную новизну. Позабыв, что задолго до Вальзера Буслев на практике применял эту теорию, исследуя факты нашей старинной литературы и искусства в их взаимозависимости. Так Пылин своей диссертацией 1857 года о старинных русских повестях превратил «Теорию странствующей сюжетности» Т. Бенфея. В 1931 году в книжке «Сравнительное литературоведение» французский ученый Ван-Тигем ратовал за науку будущего — «всеобщее литературоведение», которое должно установить законы литературного процесса, выводил их из сравнительного изучения литературы. Но еще в XIX веке проблема такой науки была поставлена А. Н. Веселовским и его «Исторической поэтикой» — начало ее разрешения. У французского детанса О. Вальзера поэте эпохи Ренессанса Клодье Маро подобной монографии о нем нашего ученого, члена-корреспондента АН СССР В. Шингарева; у немцев нет такой книги о видимом поэте эпохи «бурж и натиска» Я. Ленце, какую дал академик М. Н. Розанов; немцам (они занимались еще тогда наукой) пришлось перевести ее на немецкий язык. Случаев такого рода немало.

Но работа все же велась разрозненно и разобщенно, медленны были ее темпы, недостаточно эффективны были ее результаты. Иногда делались попытки расширить круг работников, ввести в работу начало

коллективности. Блестящий организатор, акад. А. Шахматов искал и находил людей, умевших число сотрудников «Издательский комитет». Был составлен грандиозный план «Энциклопедии славянской филологии», осуществленный лишь в самой незначительной части. Старания отдельных лиц были бессильны. Нужно было изменить всю систему. На место одного человека должны были явиться группы; случайные предложения должны были замениться продуманными планами. Так и произошло после преобразования Российской академии наук во Всесоюзную.

Темпы и характер работы старой Академии особенно ясно сказались на такой отрасли ее занятий, как издание классиков. От Академии естественно было ждать образцовых изданий крупных русских писателей с полным, критическим установочным текстом. Эти работы у нас акад. Я. Грот своим монументальным изданием «Древнерусская литература» осуществил полностью — случай, единственный в академической практике. Но почему за ним последовал Хемницер, а за ним Екатерина II? Просто под рукой оказалась собрание нужных материалов, и только или иному академику затеялось их обработать. В 90-е годы началось издание сочинений Ломоносова. Оно растянулось на многие десятилетия и до сих пор не закончено. В 1899 году приступили к академическому изданию Пушкина. Над изданием работали разные редакторы, изданные томы ожесточенно неудовлетворительными, и дело систематически замирало. От этой издательской работы старой Академии осталось в конце концов лишь издание Грибоедова, сделанное лучшим знатоком писателя членом-корреспондентом АН Н. К. Пискаревым, сочинения Колыцова, Лермонтова, Баратынского, изданные в той же «серии разряда изящной словесности», но значительно уступающие изданию сочинений Грибоедова.

С 20-х годов развивается жизнь новой, советской Академии. Кабинетность отпала, объединение крупных ученых кончилось. В Академию пришла научная молодежь; в состав руководящих работников вошли новые силы, ранее очень далекие от среды ученых-профессионалов. «Святые писания» стало обширным научным предприятием, не теряя в достоинстве, но много приобретающая в силе и результативности. Окончательно сформировались два литературоведческих института — Институт литературы (б. Пушкинский дом) в Ленинграде, Институт мировой литературы имени А. М. Горького в Москве. Они расплачивались на отдельные секции: они владеют архивами, рукописей, специальными библиотеками, музеями Пушкина, Л. Толстого, Горького. Но самое главное даже не в этом. Главное в том, что литературоведение, как и другие общественные науки, получило то, чего у него не было, над поисками чего оно билось: метод. Марксистско-ленинская методология впервые открыла перед ним возможность стать точной наукой.

Говоря о науке, часто даже у нас ограничивают смысл слова так называемыми «точными» науками. На Западе это обычно. Во Франции, например, различают science—математика, физика, химия и т. д. и belles lettres — изучение искусства в широком смысле слова. В 20-е годы второй термин проповедать применяли и у нас. У нас одно время существовала «Государственная академия художественных наук». Но такие «художественные науки» не могут иметь у нас места. Советская наука о литературе может и должна быть точной. Она естественно стремится к обобщениям, к установлению законов. Недаром же русское литературоведение в своем прошлом связано с русской философией, в лице Белинского, Чернышевского, Добролюбова создавшей эстетику на основе воинствующего материализма. В этой атмосфере росли Тихоновы, Пылины, А. Н. Веселовский.

«Эпоха великих работ» началась не так давно, закончен будет не скоро, но некоторые результаты ее уже ясны. Академия взялась за издание классиков и достигла безупречности в издании текстов, наново подготовила Пушкина, Гоголя, Радышева, Глеба Успенского, разработав планы издания и других авторов, действуя темпами, не сравнимыми с прошлым, не останавливая производства и в самые трудные месяцы минувшей войны. Осуществляется грандиозная история мировой литературы (французской, англо-американской, испанской, итальянской, античного мира и т. д.); вышло уже несколько томов «Истории русской литературы». Будет осуществлено то, о чем не могли и мечтать наши литературоведы досоветской поры: научный обзор современной литературы.

Изучение русской литературной старины продолжается, переходя от публикации и

исследования отдельных текстов к постановке больших проблем — о характере древнерусского литературного искусства. Но оно перестало подвигать изучение фактов меньшей диалекти. Отпала идея о том, что исследовать можно лишь то, от чего исследователи отделились большим расстоянием времени. Не услышим мы и традиционного в былой филологической среде утверждения: «для широких обобщений еще не настало время. Нет, оно настало! Мы знаем, что синтез немислим без анализа, но анализ неужен и бесплоден без идеи о предстоящем синтезе. И эта идея коренным образом меняет весь характер работы».

Собирая и множа силы, Академия становится действительным центром литературоведческой жизни страны. Ее литературоведы с честью вышли из испытания военных лет. Многие из них до последней возможности работали в осажденном Ленинграде, правя рукописи под грохот пушек; работали, не покладая рук, и в местах эвакуации — в Казани, в Ташкенте. А обязательства их перед советской культурой все растут. Время выдвигает неотложные задачи создания истории славянских литератур, создания единой истории литературы народов СССР, которая показала бы их взаимные связи, вывела бы ту великую роль, которую сыграла для них русская литература. Настоятельно становится работа в области проблем теории литературы. Назрела потребность в научном съезде литературоведов Союза, организовать который может только Всесоюзная академия.

Коллективное начало в работе, ее плановость, с одной стороны, сознание долга перед родиной и народом-победителем, с другой, позволяют успешно разрешить все эти задачи. Литературоведы Академии наук СССР есть чем гордиться: в прошлом у них ряд великих предшественников, в настоящем — ряд удачных начинаний и сознание все растущей силы, все прибывающих знаний, все ширящегося круга тех, для которых их работа необходима. Когда-то солидный французский ученый журнал («Romania»), отмечая выход в свет книги Веселовского о Боккаччо, писал, что определенное об этой книге он сказать не может ничего, так как она написана, увы, по-русски. «Rossica non legitur» — «русское не читаемо»: это было почти законом, не вызывавшим сомнений. Времена меняются: старое изречение меняется вместе с ними: «Rossica legenda ab studenta sunt» — «русское должно читаться и изучаться». Это уже относится ко многим отраслям русской науки. Это будет полностью и в области нашей науки о литературе.

М. ГОРЬКИЙ (1935 г.).

М. ИОРДАНСКАЯ

На Капри Из воспоминаний

Летом в 1910 году я была в Италии вместе с мужем Н. И. Иорданским. В конце зимы в Петербурге разнесся слух, что Горький опасно болен, но ни от кого точных сведений о здоровье Алексея Максимовича узнать было нельзя.

Из Рима Иорданский написал письмо Марии Федоровне Андреевой, в котором спрашивал о здоровье Алексея Максимовича. В ответе Марии Федоровне появилось с ним. Мария Федоровна ответила, что Алексей Максимович поправился и будет рад приезду из России.

В июле мы приехали на Капри и остановились в небольшой гостинице на набережной «Гранде Маринья». Отдохнув после утомительной дороги, мы на другой день отправились развлекать виллу «Серафима», где жил Горький.

Это оказалось очень нетрудным. На фуникулере мы поднялись в город Капри, расположенный на горе, довольно высоко над морем, и вышли на маленькую площадку в центре города. Здесь, как только мы произнесли слово «Горький», нас плетным кольцом окружило столько обитателей «Сотки Vigna Setafina», что Ига, сына Игга! — кричала они, дергая нас за платки. И, получив лиру, торжественно повели через площадь, в двух шагах от которой находилась окруженная садом небольшая вилла.

Мария Федоровна приняла нас со свойственной ей любезностью и радушием. Она сообщила нам, что Алексей Максимович в эти часы еще работает, и повестила в расстройстве дня, установленный на вилле. Вставал Алексей Максимович рано и сейчас же садился писать. До обеда в 4 часа, к которому обычно собирався почти все, гостиные на Капри, никто из посетителей к Алексею Максимовичу не допускался.

За таким распорядком Мария Федоровна строго следила, потому что иначе Алексей Максимович на Капри не имел бы покоя. Не говоря уже о тех русских — литераторах и знакомых, которые приезжали сюда повидаться с ним, на виллу являлось множество незнакомых людей, помогавших

свидания с Горьким. Русские и иностранные туристы стремились во что бы то ни стало проникнуть на виллу «Серафима». И если им не удавалось, после посещения лазурного грота и развалин виллы Тиверия, пробывав у Горького, они считали, что не осматривали всех перечисленных в рекламе Кука каприйских достопримечательностей.

Позднее Марии Федоровне приходилось подчас принимать очень решительные и жесткие меры, чтобы оградить Алексея Максимовича от вторжения нежелательных посетителей и обеспечить ему необходимый покой.

— Не правда ли, живем по-княжески — в собственном дворце? — смеясь говорила Мария Федоровна, показывая нам несколько скромно обставленных хозяйской мебелью комнат наемной виллы. В Петербурге действительно распространялись слухи, что Горький купил себе на Капри великолепный особняк и живет, окруженный необычайной роскошью и величием.

Этим нелепым рассказам, конечно, очень мало что верило, однако видно было, что о них стало известно Марии Федоровне и Алексею Максимовичу.

В маленьком флигеле во дворе жили Пятницкий, Гусев-Оренбургский, один молодой грузинский поэт и гостивший у Горького Михаил Михайлович Копюбинский.

Оказалось, что, ожидая нашего приезда, Мария Федоровна задержала для нас помещение в доме, находившемся почти рядом с виллой.

Позтому я скорее пошла стовориться с хозяйкой, сдававшей комнаты, а муж отправился в гостиницу за нашими вещами. Две небольшие комнаты — балконом во втором этаже стоили баснословно дешево — всего лишь пять лир в сутки, но на русские деньги составляло 54 коп.

Зимой здесь жила Лунарическая, а внизу находилась «Каприйская школа». Но в момент нашего приезда она уже не существовала.

Быстро устроившись в новом помещении, мы в четыре часа пришли к обеду на виллу «Серафима».

—Вожу все с собой, — ответил он мне и забавно прищурился. — И Нижний на Волгу и Оку — все вожу с собой и притом, заметьте, беспондично... Вот я какой хитрый!

Алексей Максимович ходил вад и вперед по террасе, а я и Н. И. Иорданский рассказывали ему о последних петербургских литературных новостях. Вдруг Алексей Максимович остановился перед нами.

— Жалко, что вы так задержались в Риме, — сказал он. — Приехали бы немного раньше и застали бы здесь Гаврилу Благочестивского. Он приезжал на несколько дней поглядеть со мной. Вы ведь, когда читали его сочинения? — спросил Алексей Максимович, и, покрыв ус, искося взглянул на меня.

Заметив мое замешательство, Копюбинский рассмеялся.

«Гаврилу Благочестивский, Гаврило Благочестивский», повторяла я про себя и с досадой думала: вот появился новый молодой писатель, и Алексей Максимович сразу заметил его, а я, конечно, прозеваала.

— Нет, не читала, — наконец призналась я.

— Так и быть, помогу вам припомнить, — сказал Алексей Максимович. — Итальянцы по-своему называют его — Габриэль Д'Аннуцио! а я по-своему — Гаврило Благочестивский, — упирая на «о», произнес Алексей Максимович, — мне так больше нравится. И он широко улыбнулся, довольный тем впечатлением, какое произвела его шутка.

— Говорил «Иллюстра collecta» и в такое прочее — было очень забавно, Мария Федоровна переводила и, если нам интересно, попросите ее, она вам расскажет.

Алексей Максимович знал итальянский язык, но избегал говорить на нем. Он утверждал, что его воляжский выговор никак нельзя приспособить ни к одному иностранному языку. Разговаривал он по-итальянски только с детьми и не любил чтобы в его разговоре с ними вмешивались взрослые.

В первые дни нашего пребывания на Капри Алексей Максимович подробно расспрашивал меня и моего мужа о том, что делается в России о политической, общественной и литературной жизни Петербурга, о знакомых писателях. Обычно он ходил по своему кабинету, неалотко присаживаясь около письменного стола и за-

Московский театр драмы поставил пьесу Леонида Леонова «Обыкновенный человек», законченную автором еще накануне войны.

Сцена из I-го акта пьесы Л. Леонова «Обыкновенный человек». На снимке (слева направо): Анушка — А. Терехина, Сасюлка — М. Штраух, Ладугин — В. Любимов, Параша — А. Москалева.

Казаюсь, об «Обыкновенном человеке» театры забыли. Но вот пришло время, когда театр возвращается к повседневным темам мирной жизни. И «Обыкновенный человек» появился на сцене сначала на периферии, а сейчас и в Москве.

Любим, прошедшим испытания военных лет, особенно дороги высокая принципиальность советского человека, его моральная чистота. Поэтому сегодняшнему зрителю близка и основная идея пьесы Леонова.

В пьесе «Обыкновенный человек» наиболее интересен образ оперного певца Дмитрия Ладугина. В прошлом — скромный парень, труженник, малая по профессии, он вошел в жизнь в двадцать лет назад, как участник гражданской войны, с вольной песней на устах и походной котомкой за плечами.

Параллельно развивается и другой мотив пьесы. Племянник Ладугина Алексей, молодой ученый, испытывает на себе новое средство от смертоносной тропической лихорадки.

Сюжетные перипетии приводят в конце концов к тому, что Кира соединяется с Алексеем. Алексей получает премию, но Константин Львович не удерживает завладевать ею, так как молодой ученый ассигнует деньги на дальнейшие научные эксперименты.

В спектакле, поставленном Ф. Каверинским, заняты очень сильные актеры — В. Любимов (певец Ладугин), Е. Самойлов (Алексей), К. Пугачева (Кира), Ю. Глизер (Констанция Львович), М. Штраух (Сасюлка) и др.

Но это актеры, очень разнородные по стилю сценического мастерства, и иногда оно плохо уживается в рамках единого спектакля. Например, подчеркнуто острая «терпимость» талантливой Глизер не отвечает бытовому манеру игры Любимова, хотя каждый из них в своем роде играет хорошо.

Пугачева не нашла для своей Кире того объяснения, наличие которого не раз подчеркивается в тексте пьесы.

А. ЕЛИСТРАТОВА

Чарльз Диккенс

Семьдесят пять лет прошло со дня смерти Диккенса. Но произведения его попрежнему увлекают и радуют читателей. Как же, как те годы, когда они впервые читали Гоголя, Белинского, Достоевского и Толстого. Молодой Чернышевский писал в своем дневнике, что стал «преданным другом» английского романиста, а несколько десятилетиями позже Диккенс нашел новых друзей в житомирском гимназисте Владимире Короленко и в нижегородском подростке Алексее Пешкове.

его поведения на сцене заставляют симпатизировать Сасюлкину и поверить в его личную скромность и жизненную мудрость.

Чуть ли не полгода ждали мы объявленной премьеры Театра сатиры «Веселый грешник». На московской сцене должен был появиться веселый, лукавый Насреддин, любящий Востока, герой бесчисленных легенд и сказаний. Огромную популярность у русских читателей и радиослушателей завоевала Насреддину известная повесть Леонида Соловьева «Возмущение споклобия». И комедия Л. Соловьева и В. Витковича в сценическом воплощении мастеров Театра сатиры вышла самыми радужными надеждами. Вы, они не оправдались!

Спектакль поставлен тщательно и изобретательно (режиссура — Н. Горюнов, О. Пыжова и Б. Вибиков) на великолепном оформлен (художник — Я. Штоффер), декорации и костюмы исполнены с большим вкусом, богатство красок и сочетания их придают постановке подлинную праздничность и яркость восточной сказки.

Но лишь всякой яркости текст пьесы, оказавшейся намного слабее талантливой повести Леонида Соловьева. Здесь нет и следа той легкости, изысканного остроумия, поэтического волюнтаризма, с которым связан в нашем представлении образ «возмутителя споклобия».

Не удался и сценический образ Ходжи Насреддина, конечно, решающий в этом спектакле. Может быть, самая роль не выполняла исполнителя — артиста Д. Кара-Питерева, может быть, актерский «плыл» вперед в процессе многочисленных переделок и трудов театра над текстом пьесы, но юмор Ходжи получился грустным, тяжелым, в нем не чувствуется прелести народного балагурства, веселого островерия и нестремимого жизнелюбия. В тех эпизодах его похождения, которые вошли в спектакль, Ходжа делает все, что ему полагается: надует ростошника, выдает себя за багдадского мудреца, проникает в гарем эмира. Но все это делается без того темперамента и непринужденной легкости, которые создают дух и ритм комедии.

Премьера пьесы Н. Гернет «Маугли» в Центральном театре кукол, руководимом С. Образцовым, совпала с выпуском на экраны американского мультимедийного фильма Уолта Диснея «Бемби».

А. ЕЛИСТРАТОВА

Чарльз Диккенс

Взросший на книгах английских реалистов-просветителей — Филдинга, Смоллета и других, Диккенс уже не удовлетворяется их жанром романа-жизнеописания или семейной хроникой. «Малый мир» частной жизни немалых людей раздвигается в его творчестве, чтобы вместить себя «большой мир» общественной жизни. Бывшее жизнеописание становится проблемным социальным романом. «Не забудем... что «Бедные родственники» Балзака, «Мертвые души» Гоголя и «Записки Пиквицкого клуба» — книги, в сущности, бытового характера, но в них скрыто неуловимое, великое поучение — его не даст самый лучший университет, рядовой человек не вынесет его с такою точностью и ясностью и за пятьдесят лет своей многотрудной жизни», — писал Горький.

они целиком доверяют силе настоящего искусства, и это доверие оправдывает себя и в «Маугли» и в «Бемби».

Борьба за жизнь — вот основная тема — обоих произведений. Но решена эта тема в спектакле и в фильме по-разному. Обитатели джунглей борются с ненавистным и кровожадным тигром Шерханом за жизнь своего питомца — человека — ского летящего Маугли. За право на жизнь борется и Бемби — юный лесной олень.

Но если у Образцова это — борьба двух начал, добра и зла, то в фильме мир, в котором растет и мужает Бемби, напористо гармоничен, неправдоподобно добр. Это идет здесь только от человека. Он и сразу не появляется на экране, но его пули гибнет старая лань, огонь брошенного им костра превращается в лесной пожар и гонит зверей на новые места. А все то, что окружает Бемби, жарнаестно, наполнено чудесным, мягким юмором, но слишком прекраснодушно. И как от старой рождественской сказки, от этого блестящего, мастерски сделанного фильма остается ощущение некоторой приглуженности, слащавости.

Сюжет «Маугли» и самая природа кукольного спектакля могли увлечь на этот путь и театр. Но постановщики С. Образцов и В. Громов сумели превосходно сочетать поэтическое звучание спектакля, его живописность и красочность (худ. Б. Тулузук) с простотой и реальностью изображаемого действия. Поэтому даже взрослый, вполне искусственный зритель с увлечением следит за перипетиями борьбы «добрых» зверей, опекающих Маугли, с его врагами.

Исполнители нашли очень впечатляющие детали для характеристики своих персонажей. Артист С. Самодур искусно изображает тигра Шерхана, то питона Каа; замечательны по точности движения черной пантеры Багир (арт. С. Мей), желтую ласковую медведицу Балу, хоростящегося арт. И. Дивов, ворчливое добродушие дикобразы Санг — арт. Д. Каамина, угодиливую вертлявость шакала Табаки — арт. В. Вальтер. Эта выразительность, характерность в воплощении образов зверей придает спектаклю «Маугли» особое очарование.

Но создателю кукол художнику В. Андриенко не удалось, к сожалению, образ главного персонажа — Маугли. Недвижимая маска выглядит деревянно, и мертво рядом с подвижными, шерстью и характерные движения куклами зверей. Арт. А. Воскобойникова не сумел убедить зрителя в том, что за этой маской скрывается живая душа человеческого ребенка. Неудачен в пьесе и в спектакле и чтец (В. Громов), то монотонно, то с ложным пафосом обильно комментирующий развитие сюжета. Эти недостатки нарушают романтическое обаяние талантливого спектакля.

Новая программа Московского госцирка состоит из выступлений цирковых артистов Латвии и Литвы.

Несколько из них мы уже видели на гастролях в столице — Стефаню Морус с ее удивительными пластико-акробатическими этюдами, Яна Аузулис — виртуозного эквилибриста на шарах и жондлера. С другими цирковыми мастерами Прибалтики мы знакомимся впервые, — среди них выделяются укротитель хищников А. Кличич, балетные-рекордсмены Альбина и Альфред Гинейка, клоуны-буфф Роланд и Нико, коверный К. Берман. Присвое различии их жанров, эти артисты привлекают зрителя одной общей чертой — привлекательностью номера, граничащей легкостью и непринужденностью исполнения (режиссура А. Арнольд).

А. ЕЛИСТРАТОВА

Чарльз Диккенс

От приятного впечатление оставляет и сопровождающий программу джаз-оркестр Рижского цирка, руководимый Арвидом Клявичис: этот оркестр не только создает нарядный музыкальный фон всего представления, но и чутко подчеркивает отдельные моменты каждого номера, происходящего на манеже.

Долгое время я работал по организации колхозов Армении, был пропагандистом от ЦК КП(б) Армении. Эта работа дала мне богатейший материал. Непосредственное участие в организации колхозов помогло мне написать роман «Хачатурянц». Основная тема романа — борьба за хозяйственное и политическое укрепление колхозной жизни, время действия — 1933 г. После этого прошло десятилетие, богатое бурными событиями, огромными изменениями не только в области социально-политической, но и в психологии людей. Некоторые люди, послужившие мне прототипом для первого романа, за годы войны с боями прошли великий путь в рядах армянской дивизии, от армянских гор до Берлина. Они закалились и окрепли в борьбе с врагом, внутренний мир героев стал сложнее, многообразнее.

Я занял II томом романа «Хачатурянц». В нем я покажу, как мирные колхозники на полях сражений мужали и превращались в героев. Герой первой части романа Леон Ламбарян — основной герой и второго тома. Кроме процесса формирования характера советского человека, в романе интересует меня тема любви, семьи, проблема дружбы между людьми разных национальностей.

Действующие лица романа мне хорошо знакомы. В 1943 г. на Кубани, когда немцы отступали под натиском наших частей, я был в армянской дивизии. Кроме того, я получал и получаю огромное количество писем от бойцов и командиров Красной Армии.

Возникла в герше пьесы об Урале. Песню об Урале Татьяначева поет сердца и по-девичьи взволновано: Когда говорит о России... Я вижу свой синий Урал. И девочки, ослыны бонны. Соедают с заснеженными скл. Чтой прямо с рывком в озер. Дробнятся, катаясь, томят. И на берег вытис. И к горам Трещущим телом прильнуть.

Так же лирически подолкает Татьяначева и к трудной для поэзии теме об индустриальном Урале. Зеленый камень «магистр», напоминающий море, когда-то покрывавшее хребты Урала, оживает под ее теплым дыханием: Он морек до края выношен. И какется, слепит, гонит. Простуча камнями волны И морю вновь откроет путь.

Живо даны зарисовки города Н. (как грозный дол стоит на поле боя уральский безымянный городок), и «зетеого в камне и цемента» Магнитогорска, возникшего, как легенда, среди пустыни, где «ветры по-киргизски плы, пристраив на золото стремья».

Людмила Татьяначева нельзя назвать новичком в поэзии. О том, что она достаточно искусна в этой области, свидетельствует написанная и без влияния Ахматовой лирическая молитва («Я стою Людмила Татьяначева. Стихи. Челябинск. 1945 г.

У Лебедева вещи называются профессионально точно: У него гудят-поют под ветром ванты, И о форштевень режется струя. Лейтенант-подводник Лебедев не вернулся из морского боя. Он оставил несколько тоненьких книжечек стихов. Ивановское областное отделение Союза писателей (позд до службы во флоте жил и учился в г. Иваново) собрало лирику Алексея Лебедева. Тематически она однообразна. Но поэт находит разные обозначения для основной своей темы. В стихах Лебедева разносторонне дан целый ряд характер советского моряка, природы эвергичной и чуткой.

Музыкальность и спокойная уверенность в своей силе видны у Лебедева везде — и в стихах о трагических, и в рассказе о поколениях моряков, и в обращении к подруге: Переживи внезапный голод. Полгода замуж не опешу. А я останусь, велию молод. Там, в тайных твоих дум. А если сын родится скоро, Ему одна стезя и море. Ему одна дорога — перья. Мой могилка в купель.

Споры о преимуществе одной системы стихосложения перед другой, эдикт тем перед другим становится ненужными и штилетным, когда перед нами предстает истинный, поэта, волнющий поэтический характер. Вы чувствуете, что тут имеется не только более удачные и менее удачные строки. Здесь нечто большее и существенное даже в своем несовершенстве: здесь лирическая запись души гордой или застенчивой, или той и другой одновременно.

Алексей Лебедев «Морская слава». Стихи. Иваново. Ивановское государственное издательство, 1945 г.

Записки из холодного дома Там есть биллардная, столовая, Там есть читальня и камин, Там парикмахерская новая, Там наскоро скоблят мужичи. Там и удобства, и снабжен, Там есть продажа табака, Но там пока что, к сожалению, Литературное движение. Лишь в очереди у ларька. Там нас не балуют талантами (Сойдет и так, в конце концов), Не познаноет с музыкантами, Там не послушаются певцов, Там под окном, от пыли матовым, Друзей не встретили никого, И даже своего Горбатова Мы ходим слушать в ВТО. Там им Федоса, им Федина Мы не увидим никогда, Там только в шумный час обеденный Литературная среда. А если едоки уходят, — Дом обретаеи мрачный вид... Там тишина, там Млечин бродит, И гардеробчик мирно спит.

Там же — Как мало книг! И совершенно прав старик. Подслушанный разговор — Добрый день! — Мое почтение! Вот и кончилась война... Как дела? Как сочиняеи? Как детшки? Как жена? Да, дела обыкновенные. Что ж касается труда, Освежо доводные — Я летаться готов. В папках кое-что имеется, Накопилось. А у вас? — У меня? Ну, разумеется, Тоже старый есть запас. Мне советует жена Дать героям ордена, Чтoб в рассказе омушалось, Чтo уже была война. Труд любой послевоенный Очень просто может стать — Только вслуду непременно Нужно дела заменять! — Ну, прощайте! — Ну, творите! — Я творю! — И я пишу! — Заложите! — Позвоните! — До свидания! Извините, Я в издательство спешу!

Пленум ССП Латвии В начале июля в Риге состоится пленум Союза советских писателей Латвии. Предусмотрены доклады на тему о латшской прозе, поэзии, драматургии. На пленум ожидается гости из Москвы, Ленинграда и соседних братских республик: Литвы, Эстонии, Украины, Белоруссии.

Пленум ССП Азербайджана БАКУ. 15 июня. (ТАСС). Закончился пленум Союза советских писателей Азербайджана. С докладом об итогах X пленума Союза советских писателей СССР и задачах азербайджанской литературы в период мирного развития выступил лауреат Сталинской премии поэт Сamed Вургун. За годы войны писатели Азербайджана создали сотни произведений на военные темы. Около 50 писателей республики побывали в Действующей армии. Своеобразным творческим рапортом являются вышедшие за последние два месяца литературные сборники на азербайджанском и русском языках «Голос Родины» и «Вестник», куда вошли в основном произведения, созданные за годы войны. Писатели с огромным воодушевлением приняли приветствие товарищу Сталину.

Вечер памяти В. Вересаева В Государственном литературном музее 13 июня состоялось расширенное научное заседание, посвященное памяти В. В. Вересаева. С докладом о творческом пути писателя выступил директор музея Иосиф И. Коробовский. Интересными воспоминаниями о В. Вересаеве поделились Н. Тетляева, В. Лидин, Н. Чехов и др. Вечер закончился чтением неопубликованных «Невыдуманных рассказов» В. Вересаева.

НОВЫЕ КНИГИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО О. Г. Кайкуров. «Занеши солдата» — сборник стихов. В качестве подруги рота, а потом доктора полуголода армии Г. Кайкуров три года работал на Южном и Северокавказском фронтах. Стихи, вошедшие в этот сборник, правдивы и с большой лирической теплотой рисуют картину внутреннего мира солдат-осетин, участвовавших в Великой Отечественной войне. О. Т. Елхнев. «Ветрия в огне» — сборник стихов и поэм, посвященных Отечественной войне и героическим подвигам. О. Д. Мамсуров. Пьесы: «Вожак-батыр», рисующая движение осетинского народа против татарского ипачества, «Сильный Вата» — о свободной жизни для осетинского народа, и «Пома о героях», показывающая напряженную героическую борьбу с немецкими оккупантами в 1942 году.

Редколлегия коллегия: Б. ГОРБАТОВ, Е. КОВАЛЬЧИК, В. КОЖЕВНИКОВ, С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ, Л. СОБОЛЕВ, А. СУРКОВ (полк. редактор).

Редация журнала «Октябрь» и Гослитиздат с глубокой скорбью извещают о безвременной смерти своего многолетнего сотрудника САМОЙЛОВОЙ Елены Иосифовны, последовавшей 13 июня с. г.

Государственное издательство художественной литературы ОБРАЩАЕТСЯ С ПРОСЬБОЙ КО ВСЕМ УЧРЕЖДЕНИЯМ И ЛИЦАМ, У КОТОРЫХ ХРАНЯТСЯ ПИСЬМА И ДРУГИЕ АВТОГРАФЫ А. П. ЧЕХОВА

предоставить их для опубликования в полном собрании сочинений и писем А. П. Чехова. Об условиях публикации писем справляться по адресу: Москва, Б. Черкасский переулок, д. 2/10, Гослитиздат, сектор классиков. Телефон К 3-49-46.

Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (ул. Ворьковского, 25-а), в связи с 9-й годовщиной со дня смерти А. М. Горького 19 и 20 июня проводит ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Программа заседаний: 19 июня в 18 ч. 1. Горький и братские литературы СССР — чл.-корр. АН СССР Н. К. ПИКСАНОВ. 2. Горький и традиции русского романа XIX в. — доц. Н. П. БЕЛКИНА. 20 июня в 11 ч. 1. Легенды Горького и легенды в русской литературе конца XIX столетия — доц. А. Н. СЮБОДОВ. 2. «Героико-мечетские» образы и мотивы у раннего Горького и связь их с литературной традицией — проф. Б. В. МИХАЙЛОВСКИЙ.